

УДК 316

МЕТАМОРФОЗЫ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В РЕФОРМИРУЕМОЙ РОССИИ

© 2013 г.

С.С. Балабанов, П.И. Куконков

Приволжский филиал Института социологии РАН, Н. Новгород

kukonkov07@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.11.2012

Рассматриваются некоторые аспекты процесса изменения характера и форм социальной активности населения, их соответствия задачам развития общества и государства; обосновывается вывод о неадекватности социальной активности модели развития, предлагаемой властью. Используются результаты общероссийских и региональных исследований.

Ключевые слова: социальная активность, деятельность, протестная активность, социальная пассивность.

Заметный исследовательский интерес к проблеме социальной активности, наблюдавшийся в 70–80-е гг. XX в. [1–5], заметно ослаб на рубеже веков. На наш взгляд, определенная «консервация» этой исследовательской проблематики в настоящее время неоправдана в связи с принципиальной неразрешимостью жизненно важных проблем, стоящих перед российским обществом и государством, без социальной активности населения. К числу таких проблем, несомненно, относится перспектива социальной поддержки заявленной руководством страны программы «модернизации».

Одним из важных итогов оживленных дискуссий 70–80-х гг. о природе, формах социальной активности, о соотношении деятельности и социальной активности стал вывод о недопустимости сведения последней к актам сознания либо, напротив, к социальной деятельности [6, с. 12–13]. В настоящее время социальная активность рассматривается как «совокупность форм человеческой деятельности, сознательно ориентированной на решение задач, стоящих перед обществом, классом, социальной группой в данный исторический период» [7, с. 7]. Особо подчеркивается, что «субъект активен в той или иной сфере социальной жизни не постольку, поскольку он энергичен в деятельности, а постольку – результативна, а постольку, поскольку он самостоятелен. И насколько он самостоятелен» [8, с. 26]. Социальная активность может проявляться в самых разных сферах: в экономике, культуре, быту, в сфере труда. В настоящее время особого внимания заслуживает, на наш взгляд, активность в общественно-политической сфере.

Мы исходим из того, что «человек может быть сознательно деятельным существом, лишь находясь в тесной связи с обществом ... и реализуя свои потребности, интересы, ценности только с его (общества) помощью. Активность личности, группы, общества, вызываемая социальными противоречиями, выступает формой их сопротивления условиям существования» [8, с. 25]. Необходимо подчеркнуть, что их деятельность может быть как активной, так и пассивной.

Процессы, протекавшие в России на протяжении двух последних десятилетий, привели к существенным изменениям в характере и формах социальной активности. Характеристики, особенности предшествующего этапа были зафиксированы в многочисленных публикациях конца 80-х гг. [9–10]. В частности, А.А. Возмитель в 1988 г. на основании результатов всесоюзного социологического исследования образа жизни сделал вывод о наличии «слабых» позитивных изменений в «спонтанных» формах общественно-политической активности. Он справедливо сетовал: «Наблюдаемое улучшение условий общественно-политической активности пока что не повлекло за собой существенного развития различных форм непосредственной демократии. По полученным данным, лишь 7.6% трудящихся сегодня работают в первичных трудовых коллективах, где мнение рядовых работников играет решающую роль при решении производственных вопросов; 14.7% – в коллективах, где оно оказывает сильное, а 30.2% – слабое влияние, 10.8% работают в коллективах, где мнение рядовых работников никакого влияния не оказывает, а 10.4% в услови-

ях, когда рядовые работники вообще не высказывают своего мнения» [11, с. 7]. Тогда же был отмечен один из важных факторов социальной активности, сохраняющий свое значение до сих пор: «отсутствие осязаемых результатов общественной деятельности, неизбежно порождающее неудовлетворенность последней, ...ведет к ее затуханию» [12, с. 23–24].

Тенденции, зафиксированные в конце 80-х гг. XX в., сегодня обретают зримые и во-многом угрожающие очертания. Причем изменения столь стремительны, что сегодня немалое удивление вызывает само присутствие «трудящихся» в представительных органах власти, а также сама возможность влияния «рядовых работников» на решение производственных вопросов. Вместе с тем не только не удивляет, но и представляется достаточно закономерным выдвижение инициатив, по существу предлагающих поставить под вопрос основные завоевания наемных работников, достигнутые в XIX–XX вв.

Неспособность государственных структур в их нынешнем состоянии обеспечить интересы даже наиболее массовых социальных групп возрождает надежды на самоорганизацию населения. Однако, как показало исследование Левада-Центра, подобные надежды не вполне оправданы: «Четверть респондентов (26%) думают, что большинство людей «не способны объединиться, договориться и прийти к общему мнению», 14% опрошенных заявили, что большинство населения не верит социально активным людям и подозревает их в корыстных умыслах, а 7% предположили, что людям в России не хочется заниматься чем-то «неофициальным», не поддержанным властями. При этом практически каждый третий респондент (29%) заявил, что большинство людей не верят в то, что такая деятельность может принести весомые результаты» [13].

Каковы истоки столь пессимистических настроений? Мы предполагаем, что они коренятся прежде всего в характере и особенностях взаимоотношений общества и власти. Ответственная власть, по определению, должна сотрудничать со всеми группами населения и в определенной мере учитывать их интересы. Результаты наших исследований в Нижегородской области («Социальная политика в регионе», 2005 г.) говорят о том, как это реализуется на практике. По квотной выборке было опрошено 669 человек в возрасте 18–65 лет городского и сельского населения (контролировался тип поселения, пол и возраст респондентов). Опрос экспертов проводился по «Анкету эксперта» в

23 районах Нижегородской области. В роли экспертов выступали заместители глав районных администраций, руководители отделов, ведущие специалисты, а также главные редакторы и заместители главных редакторов районных газет. Численность экспертов составила 118 человек. Мнение населения совпадает с мнением экспертов по вопросу о главных «бенефициариях» местной власти, в основном ориентированной на учет и представление интересов местной «элиты», которую составляют часть муниципальных служащих, а также предприниматели (они же – работодатели) и крупные собственники. Среди тех, кому власть отказывает в помощи и поддержке, оказались слаборесурсные группы населения, которые можно объединить в одну большую группу по таким характерным признакам, как «бедные и малообеспеченные». К этой группе также можно отнести значительную часть наемных работников, молодежи, пенсионеров.

Таким образом, на местном уровне все более отчетливо проявляется модель резко поляризованного общества: на одном полюсе завершается процесс формирования местной «элиты» (переплетение местной власти с крупным бизнесом), на другом – значительное большинство местного населения, внутри которого возникают как социально активные группы, так и группы, для которых становятся все более характерны пассивность, апатия или протестная активность. В связи с этим особую тревогу вызывают проявления асоциальной активности, понимаемой прежде всего как активность, направленная на дезинтеграцию общества.

Отношение населения к общественной деятельности за прошедшие 25 лет не претерпело коренных изменений: половина нижегородцев считает, что «каждому гражданину по мере сил нужно участвовать в формировании и реализации социальной политики по месту жительства», чуть меньше трети жителей придерживается несколько иной точки зрения на этот счет: «кто желает, пусть участвует в этом деле, это же делается для нашего блага». Вместе с тем следует отметить и определенные отличия. В частности, исследования последних лет все чаще фиксируют «спонтанные» формы социальной активности. Так, в ходе исследования нижегородского студенчества в 2009 г. было выявлено более 30 самостоятельных общественных организаций и объединений, в работе которых студенты принимают участие [14]. Авторы исследований 70–80-х гг. не упоминают о наличии протестных настроений, тогда как современные исследования фиксируют заметную

долю населения, ориентированную на протест [15; 16].

Большинство жителей Нижегородской области считает, что население «должно влиять на решения властей», одобряя или осуждая конкретные решения и действия, участвуя в акциях протеста или поддержки. Одновременно большинство опрошенных уверено, что у людей нет возможности влиять на принимаемые властью района (города, региона) решения.

По мнению Л.Г. Бызова, «правомерность участия граждан в делах управления российские чиновники отвергают (нередко сетуя на то, что неумение россиян отстаивать свои права и интересы является одним из основных препятствий к социальному благоденствию и экономическому процветанию)» [17, с. 272]. Н.Е. Тихонова и О.И. Шкаратан, говоря о социальной политике российского государства, подчеркивают, что «главной целью социальной политики следует считать именно обеспечение социальной стабильности в обществе, в конечном счете, в интересах правящей элиты» [18, с. 24–25].

Недоверие населения к власти, а власти – к самоорганизованному населению (как редкому пока что элементу гражданского общества) взаимно. Общественная палата РФ в ежегодном докладе «О состоянии гражданского общества в РФ в 2010 году», отметив рост гражданской активности населения, констатировала «слабость реакции властей на основные запросы общества», ведущей к появлению очагов социальной напряженности. В связи с этим палата предложила принять закон, обязывающий власть учитывать голос гражданского общества при принятии решений всех уровней [19].

Как в 80-е гг. XX в., так и сегодня специалисты отмечают несоответствие уровня социальной активности задачам развития, модернизации страны. В ходе нашего исследования также была зафиксирована весьма скромная оценка социальной активности населения. По оценкам населения, активность рядовых жителей оставляет желать лучшего: лишь 5% опрошенных

оценили ее как высокую или очень высокую, тогда как 60% охарактеризовали степень участия населения своего района в общественной жизни как низкую или очень низкую.

Попытки реанимации властью «старых», массовых форм социальной активности не приводят к успеху в новых условиях, не получают отклика у граждан. Это происходит с попытками власти (явно не от хорошей жизни) вернуться к практике субботников, ДНД... Отсутствие материальных и финансовых ресурсов у органов территориального общественного самоуправления не только не дает им возможности проводить какую-либо заметную работу по месту жительства граждан, но и формирует недоверие по отношению к ним. Характерно распределение ответов нижегородцев на следующий вопрос: «Допустим, у администрации вашего района имеются средства на проведение мероприятий социальной политики. Целесообразно ли часть этих средств передать территориальным органам самоуправления граждан для решения ими проблем по месту жительства?». Треть нижегородцев не согласилась с тем, что можно и нужно доверять самим гражданам (общественности) принимать решения о расходовании этих средств по своему усмотрению.

По мнению Ж.Т. Тощенко, «до тех пор, пока человек не почувствует себя силой, влияющей на решение проблем, хотя бы на уровне местного самоуправления, о гражданском обществе как состоявшемся говорить проблематично» [20, с. 49]. Этот вывод нашел подтверждение в ходе анализа обращений граждан в Приемную Губернатора Нижегородской области (далее – Приемная), которые могут быть интерпретированы как участие в постановке целей социальной политики в регионе в целом и в муниципальных образованиях (табл. 1).

Приемная была создана в 2006 г. и функционирует на основании Федерального закона РФ «О порядке рассмотрения обращений граждан» № 59-ФЗ, который гарантирует, что любое обращение будет рассмотрено и обратившийся

Таблица 1

Результативность деятельности «горячей линии» Приемной в 2006–2009 гг.

Вопросы, принятые сотрудниками по «горячей линии»	2006	2007	2008	2009 (6 мес.)
Всего	10156	3766	3951	2147
Из них:				
Полностью или частично удовлетворено	9933	3596	3854	2072
– решено с положительным результатом	2737	1024	900	267
– даны консультации и разъяснения	7196	2572	2954	1805
Отказано	0	66	31	30
На контроле	223	104	66	45

получит своевременно ответ по существу [21]. Чаще всего в Приемную обращаются люди, которые самостоятельно не могут справиться со своими жизненными проблемами: инвалиды, ветераны, пенсионеры, многодетные матери и др. В последние годы они составляют почти 70% всех заявителей. Весьма показательна результативность работы группы «Горячая линия». За три с половиной года работы на телефоны группы обратилось более 20 тысяч граждан, из которых около 16 тысяч – жители Н. Новгорода. По большинству обращений были приняты полностью или частично положительные решения (табл. 1). Абсолютное большинство проблем, с которыми люди обращаются в Приемную, – социальные; незначительную часть можно отнести к экономическим, и практически отсутствуют вопросы политического характера. Содержание и структура обращений дают основание рассматривать их как предложения населения в информационную базу социальной политики в регионе. Большинство обращений связано, прежде всего, с решением личных социально-бытовых проблем и заметно реже – с решением проблем местного сообщества.

Анализ работы Приемной свидетельствует о важной роли этого института в обеспечении внесудебной защиты прав и законных интересов жителей Нижегородской области. В связи с этим представляется убедительной позиция К. Подьячева, который считает, что «институт обращений граждан может рассматриваться как единственная форма гражданского участия, которая одновременно интегрирована в структуру публичной власти, причем так, что не может быть изъята оттуда без смертельного ущерба для этой структуры. Следовательно, через посредство обращений возможно влиять на принимаемые субъектами власти решения, причем используя сущностные, неотъемлемые черты бюрократии [22, с. 21].

Следует подчеркнуть, что обращения граждан вряд ли возможно рассматривать как полноценное участие в управлении делами общества и государства. Работа Приемной, по существу, представляет собой полумеру, неспособную стать действенным механизмом разрешения проблем социальной группы, общества в среднесрочной и отдаленной перспективе. Недостаточность подобных форм в последнее время становится все более очевидной. В связи с этим весьма симптоматичен вывод, сделанный Общественной Палатой РФ в 2010 г.: «Все, что государственная и муниципальная власть может передать самоорганизующимся структурам и

общественным организациям, должно быть передано» [23].

Передача общественным организациям части властных функций не может исключить сценариев самоорганизации населения, которые власть не сможет контролировать. Следует подчеркнуть, что к подобной ситуации, требующей гораздо более тонких способов взаимодействия с местным сообществом, местная власть сегодня явно не готова. Подобные перспективы вызывают у нее опасения, которые все чаще находят подтверждение в виде различных массовых протестных практик.

По данным Левада-Центра, на протяжении последних 15 лет, по меньшей мере каждый пятый опрошенный отмечал возможность массовых выступлений населения против падения уровня жизни, в защиту своих прав. За время кризиса доля респондентов, допускающих возможность массовых выступлений населения, выросла в стране с 21% (в 2008 г.) до 28% (в 2011 г.). За это же время с 16% до 23% увеличилась доля тех, кто считает возможными протестные выступления с политическими требованиями. Обращает на себя внимание группа респондентов, затрудняющихся при ответе на этот вопрос: с 21% в 2008 г. она уменьшилась до 7% в 2011 г. [15]. Это самый низкий показатель за 15 лет наблюдений, что свидетельствует, на наш взгляд, о «пробуждении» пассивной части населения. В связи с этим возникает закономерный вопрос: в каком направлении будет развиваться активность «разбуженной» кризисом части населения. На наш взгляд, сегодня отсутствуют убедительные доказательства того, что ее активность выльется в асоциальные формы.

Допуская возможность массовых протестов, россияне явно не спешат бороться за свои права подобным образом: доля россиян, намеренных лично участвовать в такого рода митингах, демонстрациях протеста, за время кризиса уменьшилась. Вместе с тем на протяжении последних 15 лет по меньшей мере каждый пятый россиянин заявлял о том, что скорее всего примет участие в митингах и демонстрациях протеста, если они состоятся в его городе/сельском районе [15]. Этот факт свидетельствует о сформированности протестного ядра, составляющего пятую часть населения, способного при наличии определенной организационно-технической поддержки (например, социальных сетей) достаточно быстро (по принципу снежного кома) достичь критических величин.

Таким образом, слабая включенность населения в процесс реформирования общества свидетельствует о неадекватности уровня социальной

активности населения модели развития страны, которую предлагает власть. Многообразие и рост «спонтанных» форм активности, укоренение протестной и асоциальной активности явно не способствуют обеспечению социальной поддержки проводимых реформ, предполагающих целенаправленные усилия по включению широких слоев граждан в созидательную деятельность, стимулирующих социальную активность различных социальных групп.

Список литературы

1. Арефьева Г.С. Социальная активность. М.: Политиздат, 1974. 230 с.
2. Батурич Ф.А. Социальная активность трудящихся: сущность и управление. Новосибирск: Наука, 1984. 176 с.
3. Бельский В.Х. Активность народных масс. Красноярск: Красноярский государственный ун-т, 1973. 286 с.
4. Богданова Т.П. Труд и социальная активность молодежи. Минск: Изд-во БГУ, 1972. 240 с.
5. Мордкович В.Г. Общественно-политическая активность трудящихся. Свердловск, 1970. 413 с.
6. Батурич Ф.А. Социальная активность трудящихся: сущность и управление. Новосибирск: Наука, 1984. 176 с.
7. Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. 672 с.
8. Социологическая энциклопедия. Т. 1. М.: Мысль, 2003. 696 с.
9. Факторы социальной активности городского населения. М.: ИСИ РАН, 1986. 178 с.
10. Пути совершенствования социалистического образа жизни в период перестройки. М.: ИСИ РАН, 1988. 168 с.
11. Возьмитель А.А. Общественно-политическая активность: уходящие тенденции и современные проблемы // Пути совершенствования социалистического образа жизни в период перестройки. Кишинев-М.: ИСИ РАН, 1988. 168 с.
12. Куконков П.И. Общественная деятельность и ее результативность // Пути совершенствования социалистического образа жизни в период перестройки. Кишинев-М.: ИСИ РАН, 1988. 168 с.
13. Добрынина Е. Сможешь выйти на площадь? Россияне демонстрируют политическую пассивность. – URL: rg.ru (дата обращения 25.09.2012).
14. Нижегородское студенчество на рубеже веков (По материалам социологического исследования): Монография / Научн. ред. А.Ф. Хохлов. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. 190 с.
15. Левада-Центр. Архив. Пресс-выпуски. – URL: www.levada.ru (дата обращения 17.12.2012).
16. <http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii> (дата обращения 12.12.2012).
17. Бызов Л.Г. Бюрократия при В. Путине – субъект развития или его тормоз? // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 27–28.
18. Тихонова Н.Е., Шкаратан О.И. Российская социальная политика: выбор без альтернатив // Социологические исследования. 2001. № 3. С. 24–25.
19. Общественная палата ждет наступления реакции // Коммерсантъ. 21.12.2010. – URL: <http://old.wciom.ru> (дата обращения 01.12.2012).
20. Состоялось ли Гражданское общество в России (Круглый стол) // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 49.
21. Закон Российской Федерации от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 10.12.2012).
22. Подъячев К.В. Модернизация института обращений граждан в органы государственной власти как одно из направлений трансформации системы государственного управления в условиях глобализации // Материалы международной научной конференции «Модернизация экономики и глобализация», Москва, ВШЭ, 2 апреля 2008 г. – URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-243287.html> (дата обращения 12.12.2012).
23. Общественная палата ждет наступления реакции // Коммерсантъ. 21.12.2010. – URL: <http://old.wciom.ru> (дата обращения 17.12.2012).

THE METAMORPHOSIS OF SOCIAL ACTIVITY IN THE REFORMED RUSSIA

S.S. Balabanov, P.I. Kukonkov

This article discusses some aspects of the process of change in the nature and forms of social participation, their compliance with the objectives of the development of society and the State, the conclusion about the inadequacy of the social activity of the development model of the proposed authority. In preparing the article used the results of nationwide and regional studies.

Keywords: social activism, protest activity, social passivity.